

А.А. Кротов

Философ на службе у термидорианской республики и императора: к политической биографии Мен де Бирана

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой. МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4; e-mail: krotov@philos.msu.ru

В статье анализируются особенности политической философии родоначальника французского спиритуализма на основе опубликованных на рубеже XX–XXI вв. документов. Рассматривается специфика его мировосприятия в ранний период философской деятельности, а также причины, побудившие его обратиться к политике после термидорианского переворота. Негативное отношение к якобинцам, сожаления о падении монархии весьма характерны для его взглядов в этот период. Термидорианскую республику, а затем империю он встречает с надеждами на близкий мир, социальную стабильность, основанную на неукоснительном соблюдении законов. Поначалу он восхваляет Наполеона как гения, который «умиротворяет и утешает». Но затем наступает разочарование, непрерывная череда войн приводит его к осуждению наполеоновской политики в составе «комиссии пяти» законодательного корпуса в декабре 1813 г. Реставрацию философ встречает как событие, отвечающее замыслам Провидения. Несомненно, что обращение к религиозной философии во многом было мотивировано именно политическим опытом Бирана.

Ключевые слова: Мен де Биран, французская философия, спиритуализм, философия и политика

В истории европейской мысли роль Мен де Бирана весьма значительна: признанный родоначальник французского спиритуализма XIX в. оказал влияние и на различные формы «рефлексивной философии», и на персонализм; в ряде аспектов его система довольно близка бергсонизму, экзистенциализму, антропологическим учениям XX в. Политическая деятельность Бирана, конечно же, давно привлекала внимание его биографов, но лишь на рубеже XX–XXI вв. была опубликована обширная подборка материалов, позволяющая составить о ней достаточно полное, систематическое представление. Упомянутые материалы были включены в состав собрания сочинений философа, которое издавалось под общей редакцией Франсуа Азуви. Две части тринадцатого тома собрания, появившиеся под заголовком «Общественный деятель», содержат как известные прежде тексты, так и множество впервые опубликованных документов. Андре Робине и Нелли Брюйер, составители тома,

справедливо подчеркивали, что прежде не существовало даже общей описи всех политических документов, относящихся к публичной деятельности Мен де Бирана. Исследователи свели воедино и подготовили к печати наиболее значимые материалы, обратившись к архивам Гратлу, Бержерака, департамента Дордонь, библиотеки национального Института (Париж), публичной университетской Женевской библиотеки, в которой находятся документы, представляющие собой дар Эрнеста и Марсель-Пьера Навиллей. Философская ценность проделанной ими работы, прежде всего, в том, что она позволяет дополнить представления об эволюции теоретических взглядов Бирана анализом идей из политической сферы, с которыми классик французского спиритуализма по разным причинам считал возможным солидаризироваться публично.

Мен де Биран, получивший образование в Перигё под руководством Доктринеров (членов конгрегации служителей Христианского Учения), с января 1785 г. находился на службе у короля в качестве одного из телохранителей («вторая рота гвардейцев короля»). Роспуск отряда королевских телохранителей приводит к его отставке. С осени 1792 г. он обосновывается в своем родовом имении (Гратлу), посвящая свое время занятиям математикой и философией.

В мае 1794 г. он делает характерную запись: «Все влияет на нас, и мы постоянно меняемся вместе со всем, что нас окружает» [Maine de Biran, 1957, t. III, p. 3]. Свою душу он уподоблял реке, воды которой бывают то беспокойными, то неподвижными, непрерывно переходящими от одного состояния к другому. Тема непостоянства в человеческом бытии – сквозная в «Дневнике» философа. Примечательно, что в двух самых ранних своих текстах, относящихся к 1792 г., он высказывает сомнения относительно возможности убедительно решить проблему бытия Бога. «Я ничего не знаю ни о существовании, ни о природе верховного Существа». Доказательство от «всеобщего согласия» несостоятельно, ибо единодушие в этом вопросе ничем не подтверждено, да и подсчет голосов применительно к истине – нелепый способ убеждения. Аргумент от идеи безмерного в своем совершенстве существа ложен, ибо человек не обладает идеей бесконечного. Доводы, исходящие из чувственных восприятий нашего мира, могут привести к первому движению, но нельзя доказать, что его источник – непременно Бог. Тем не менее, онтологическая неустойчивость, характеризующая положение человека, отнюдь не препятствует активному включению в общественную жизнь: «Мое неведение относительно Бога не мешает моему пониманию того, что моральное благо, полезное и даже необходимое для человека, для организации и сохранения общества, обязательно для всякого разумного существа» [Maine de Biran, 1998, t. I, p. 4–5].

Мучительные размышления не оставляют Бирана в кругу одних и тех же понятий; испытываемые им сомнения в итоге не делают его ни скептиком, ни агностиком: уже в 1793 г., переживая утрату своей сестры Виктории, он ссылается на внутреннее чувство, приводящее к признанию Высшего разума: «...если Бог не существует, все не более, чем иллюзия, обман; порядок, который мы наблюдаем в природе, существует только в нашем уме... Ничто не имеет достаточного основания» [ibid., p. 16].

Для раннего Бирана философским ориентиром выступал Руссо. Особенно вдохновляли его «Исповедь» и «Прогулки одинокого мечтателя». Как и великий Женевец, он испытывал склонность к самоанализу, к изучению тончайших движений собственной души. При этом Биран не был эпигоном руссоизма, он стремился полагаться, прежде всего, на собственный опыт: «Руссо говорит с моим сердцем, но иногда его ошибки меня удручают» [Maine de Biran, 1957, t. III, p. 9].

В феврале 1794 г., в своем комментарии на речь Робеспьера, Биран выражает отношение к революции, и высказанные им установки позволяют понять мотивы многих его последующих поступков, связанных с политической деятельностью. Он упрекает Робеспьера в желании полностью изменить природу людей, создать их

заново, во «второй раз». Франция, по образному выражению философа, становится жертвой «шарлатанства». Судьбу 25 миллионов людей предлагают поставить в зависимость от предполагаемой политической добродетели восьмисот депутатов. Но «все вероятности» за то, что эти депутаты предпочтут поставить выше интересов народа собственное властолюбие. Более того, уже очевидно, что упомянутые депутаты и есть виновники множества бедствий: упадка земледелия, ослабления торговли, сокращения численности населения, приближающегося голода. Бесчисленные тяготы не были необходимы стране, они не принесли счастья ее жителям, вопреки раздававшимся обещаниям. «Ужасная картина несчастий, которые опустошают мою отчизну, ранит мое сердце» [Maine de Biran, 1998, t. I, p. 31]. Философ утверждает, что недостатки прежнего режима гораздо меньше того зла, с которым связано сложившееся положение дел. Эту истину он хотел бы донести до сограждан, дабы уберечь их от новых тягот и преступлений. По существу, в понимании Бирана, монархия отнюдь не заслуживает осуждения, напротив, она предпочтительнее того общественного устройства, которое утвердилось на ее обломках. Он выражает готовность посвятить свои силы общему благу, интересам сограждан. Этот мотив, по-видимому, станет для него основным при определении дальнейшего жизненного пути. Будучи роялистом, он согласен, в силу обстоятельств, служить стране даже при отсутствии монарха.

Термидорианский переворот приводит Бирана в сферу политики. В апреле 1795 г. он, по представлению Шовье, обладавшего полномочиями реорганизовать администрацию департаментов Дордонь и Коррез, включен в соответствующий список чиновников. В качестве члена административного совета департамента Дордонь, он, как и остальные, клянется «быть верным Нации и закону, поддерживать всей своей властью свободу, равенство, единство и неделимость Республики или умереть, защищая их, и выполнять свой долг с усердием и непредвзятостью» [Maine de Biran, 1999, t. XII/1, p. 10].

Биран приносил присягу разным правительствам, но он отнюдь не был готов служить любому режиму. Учитывая содержание его ранних набросков, вряд ли стоит сомневаться в его искренности, когда мы видим подпись философа под обращением администрации департамента к согражданам от 21 мая 1795 г. В этом документе провозглашаются принципы, которых намерена придерживаться администрация в своей работе. Упомянуты защита прав граждан, следование справедливости, точное соблюдение законов, в чем усматривается «единственная гарантия социального порядка». Осуждается «ужасный тиранический режим», выражаются заверения в том, что таланты и добродетель отныне не станут преследоваться. Высказывается призыв проявить еще немного терпения – ведь скоро наступит долгожданный конец страданиям, подлинный триумф свободы.

В обращении к национальному Конвенту от 4 июня 1795 г., составленном Бираном и Граном от имени администрации департамента, содержится клятва защищать «до последней капли крови» народных представителей. Присутствует в нем и настойчивое требование продолжить преследование «предателей и мятежников»: это необходимо для очищения страны. В тот же день администрация департамента направляет во все дистрикты циркуляр, предписывающий непреклонное, суровое преследование «всех врагов правительства».

После утверждения новой конституции Биран выдвигал свою кандидатуру в общенациональный совет пятисот, но потерпел неудачу на выборах. В октябре 1795 г. истек срок его полномочий в административном совете департамента, следующие полтора года он не занимал никаких должностей. В апреле 1797 г. проходили новые выборы в совет пятисот, на этот раз философ набрал в своем департаменте 235 голосов, что соответствовало критерию абсолютного большинства. В мае он официально приступил к работе в совете. В июне, при обсуждении вопроса о ситуации в колониях

и злоупотреблениях представителей Директории на Сан-Доминго, Биран призывает рассмотреть более общую проблему – ответственности министров. Он заявляет о несовершенстве законодательства, требует осуществить корректировку нормативных актов. Биран призывает для лучшего понимания проблемы обратиться к абстрактным принципам, связанным с утонченной метафизикой. Он уподобляет государство, политическое тело человеческому, «моральному существу». В обоих случаях присутствуют три различные способности: мышление, воля и действие. Высшее социальное искусство состоит в том, чтобы опираться на них по отдельности, но в итоге получая гармонию, некую синхронность. В государстве законодательный корпус подобен рассудку, правительство – воле, а действие осуществляют назначенные правительством уполномоченные. Воля должна быть подчинена рассудку, а сама она направляет действие. Способности различны, но между ними имеется определенное соподчинение. Моральное существо подлежит ответственности перед «внутренним судьей», его деяния оцениваются на основе понятий и правил рассудка. Таким путем возможно отделить слепую, беспринципную волю от просвещенной, разумной. В масштабах государства законодательный корпус – «естественный судья» правительства. Он должен быть судьей также и для назначаемых Директорией уполномоченных. Но механизм подобной ответственности законом не предусмотрен. Этот пробел надлежит восполнить, ибо, если Директория пожелает подавить волю народа, она легко превратит министров в свое покорное орудие.

4 сентября 1797 г. (18 фрюктидора) большая группа депутатов (177 человек) была лишена мандатов как принадлежащая к лагерю роялистов. Среди них оказался и Биран, выборы в департаменте Дордонь были объявлены нелегитимными и аннулированы. Философ удалился в свое поместье и два года в общественной жизни не участвовал.

Очередное его возвращение в политику произошло после бонапартистского переворота. 31 июля 1800 г. Биран по распоряжению префекта Риве вошел в муниципальный совет коммуны Сен-Совер (округа Бержерак). В апреле 1802 г. философ был включен в состав общего совета департамента Дордонь приказом первого консула, по представлению министра внутренних дел Шапталя. В июне газета «*Moniteur*» опубликовала приветственное обращение совета, за подписью всех его членов, к Наполеону. В нем восхваляются военные и административные заслуги первого консула, своим появлением упорядочившего царивший повсюду «хаос». Военный гений возвел Францию на подобающее ей среди народов место, заставив потесниться враждебные державы. Во внутренних делах преобладавшая разобщенность сменилась единством, борьба партий завершилась. Возродилось уважение к закону и порядку. Прекращены преследования, провозглашена свобода культов, революция закончена. Нация больше не желает менять систему правления. Процветание Франции отныне зависит от возглавившего ее героя.

В период консульства Биран публикует свой первый значительный труд – «Влияние привычки на способность мыслить» (1802). Работа развивает ведущие установки школы «идеологов». По справедливому замечанию Франсуа Азуви, произведение Бирана фактически представляет собой «полный трактат философской психологии» [Azouvi, 1992, p. 1948]. В основе этой психологии лежит сенсуалистическая методология. Философ заявляет о необходимости объединить «идеологию» с психологией. При этом психологический анализ следует осуществлять, подражая физикам, т.е. ограничиваться исключительно изучением последовательности феноменов.

В марте 1805 г. Наполеон своим декретом назначает Бирана членом совета префектуры департамента Дордонь. На следующий год повышение: 31 января 1806 г. император, по представлению министра внутренних дел Шампаньи, назначает философа супрефектом округа Бержерак. В свою очередь, министр руководствовался рекомендацией Риве, префекта департамента, что отражено в их переписке.

15 февраля 1806 г. Бيران принес полагающуюся в подобных случаях присягу: «я клянусь повиноваться конституциям империи и в верности императору» [Maine de Biran, 1999, t. XII/1, p. 174]. В новой должности Бيران сталкивается с широким спектром вопросов: в его административной переписке представлены такие темы, как образование, рекрутский набор, состояние мостов, рынки, взыскание штрафов, бандитизм, экипировка почетного караула, торжественные службы, приуроченные к военным победам (например, под Йеной), праздничные мероприятия в связи с коронацией. Но занимает его не только рутинная работа. В августе 1806 г. он присутствует на аудиенции у императора в замке Сен-Клу в составе делегации департамента из четырех человек. Возглавлявший делегацию де Жюмильяк обратился с краткой речью к императору и вручил ему приветственный адрес, составленный на основе подготовленного Бираном текста. В адресе говорилось о признательности и любви, испытываемыми французами по отношению к главе государства. Согласно официальному бюллетеню департамента Дордонь, Наполеон принял делегацию «самым милостивым образом», задавал вопросы о производстве товаров, состоянии дорог, торговле. В ходе беседы ему была передана написанная Бираном краткая записка о состоянии департамента. В этом документе говорится об улучшении навигации по двум главным рекам Дордони, о прокладке участка дороги Лион – Бордо. Не обходится и без напыщенных похвал: имя «Наполеона Великого» повсюду произносится с чувством любви и неизменным энтузиазмом. «Подобно звезде, свет которой оживляет и украшает все места, достигаемые им напрямую, ваше управление создает и оживляет все, что оно не должно делать само» [ibid., p. 184]. Выдающийся герой изменил облик многих империй, рассеял самоуверенных врагов столь же легко, «как ветер рассеивает пыль». Но он же выступил миротворцем, использующим все средства для наибольшего процветания страны.

Анри Гуйе обоснованно отмечал, что Бيران «принимает империю, поскольку он видит в императоре умиротворителя и созидателя, в котором нуждается Франция» [Gouhier, 2001, p. 981]. Постепенно у философа нарастало разочарование: казавшийся близким долгосрочный мир все не наступал, войны и сопряженные с ними тяготы не прекращались. Действительно ли такое правление необходимо стране? Негативный, категоричный ответ формируется не сразу.

Значительные усилия, находясь на посту супрефекта, философ предпринимал для открытия коллежа в Бержераке. Предполагалось содержать его на средства самих горожан. Обращаясь к состоятельным «отцам семейств», Бيران говорит о необходимости сделать все для счастья детей, развития их способностей, о предоставлении им должного образования. Ведь «в высшей степени просвещенный гений героя, управляющего нами», вдохновляет и привлекает на службу все таланты, награждая их, придает значение только реальным заслугам и способностям. Бيران восхищался методикой обучения, разработанной Песталоцци, и рассчитывал на ее применение в новом коллеже. Он солидаризировался с идеей знаменитого педагога о том, что основной целью обучения должно стать развитие разума.

Заключение Тильзитского мира было встречено философом с энтузиазмом. На празднике, приуроченном к этому случаю, он произнес торжественную речь, в которой прославлял героя, «непобедимого и ужасного в сражении, мягкого и воздержанного в победе, всегда готового дать почувствовать тяжесть своей карающей руки, как и протянуть защищающую руку». Его гений «умиротворяет и утешает», «удивляет народы», но также рассеивает и опрокидывает всех многочисленных врагов, тщетно пытающихся ему противостоять. Заключенный между Россией и Францией мир должен навеки соединить два народа, «ради счастья Европы и спокойствия цивилизованного мира». Несомненно, этого мирного спокойствия супрефект желает страстно и в момент произнесения речи не сомневается, что ожидание не продлится долго. Он выражает уверенность, что островное государство, лишившись

союзников на континенте, прекратит бесперспективную войну, позволив императору спасти себя от непоправимой катастрофы, неизбежной для оказавшейся в изоляции державы. Тогда настанет черед нового праздника, посвященного «полному и общему миру». Биран призывает сограждан обратить свои мысли и сердца к тем идеям, которые связаны «с великим именем Наполеона», «нашим великим и бесмертным императором» [Maine de Biran, 1999, t. XII/1, p. 209–211].

В феврале 1810 г. Биран, во главе делегации от Дордони, был принят Наполеоном во дворце Тюильри, в тронном зале. Философ вручил императору приветственный адрес, в котором говорилось о преданности жителей департамента повелителю, управляющему страной ради «славы и процветания нации». Император провозгласил нацию великой, и она стала таковой благодаря своему выдающемуся герою. Наполеон по праву получает выражения «восхищения, признательности и любви», ибо он для своих подданных – не столько внушающий ужас завоеватель, сколько «добрый, счастливый гений, который умиротворяет, утешает, исправляет все бедствия и сочетает все разъединенные начала» [ibid., p. 253–254]. Адрес содержит и завуалированную жалобу на тяготы континентальной блокады, от которых императору пора бы избавить многострадальных подданных. В частности, в адресе констатируется, что жители департамента «с постоянством и неизменной преданностью» поддерживают свое правительство, несмотря на чувствительные для департамента бедствия, сопровождающие морскую войну.

В своем ответе делегатам от Дордони Наполеон заявил, что вместе со своим союзником, российским императором, предпринял все усилия для установления всеобщего мира. Эти усилия успехом не увенчались, ибо король Англии, в своей неизменной ненависти к Франции, не пожелал прекратить войну. Он не способен предвидеть ближайших последствий своего поступка. По мысли Наполеона, когда война завершится, Франция выйдет из нее могущественной, как никогда. Напротив, враждебное государство ждет упадок, оно обветшало и его будущее незавидно.

В марте 1810 г. Биран был награжден орденом Почетного легиона. Заручившись поддержкой Ласепада, великого канцлера Почетного легиона, он направляет соответствующее прошение на имя императора. Как справедливо замечал Эрнест Навиль по поводу состоявшегося награждения, «такое отличие было в то время слишком обыкновенным, чтобы быть покровительством» [Naville, 1857, p. 50]. Поэтому неверно полагать, будто Биран пользовался особым расположением Наполеона.

В августе 1810 г. сенат назначил философа в числе других представителей его департамента членом законодательного корпуса. В апреле следующего года он слагает с себя полномочия супрефекта, в октябре 1812 г. обосновывается в Париже.

По замечанию Жака Годшо, «никогда франкмасонство не было столь процветающим во Франции, как во времена империи» [Godechot, 1951, p. 634]. Как и многие его современники, Биран был членом братства, входил в состав ложи «Верность». В этом плане показательна его речь о сущности и истоках масонства, произнесенная в конце 1810 г. Истинные франкмасоны, настаивал он, оказывают друг другу поддержку, руководствуются уважением и любовью, обмениваясь идеями, учениями, впечатлениями. Хотя они разбросаны по разным странам, подчинены разным правительствам, говорят на разных языках, их цели совпадают. Главная среди них – «сближать человека с человеком, усиливать или развивать эту склонность к общительности, неотделимую от его природы, ослаблять или обуздывать все индивидуальные страсти, которые обрекают его на одиночество, несчастье и порок» [Maine de Biran, 1999, t. XII/1, p. 263]. Истоки масонства, согласно Бирану, восходят к древнему Египту, где возникли первые тайные общества. В то время как во внешнем мире царили жестокие обычаи и беспорядок, эти общества объединяли избранных и достойных. При этом древние мудрецы выдвигали две доктрины: публичную и тайную, предназначенную для немногих. Публичная в символической форме

выражала истину, ибо в полной мере она не могла быть воспринята теми, кто находился во власти предрассудков и заблуждений. Получить доступ к тайному учению (посвящение) можно было, только пройдя непростые испытания. Чистота нравов и возвышенный ум – отличительные черты тех, кто принадлежит к братству.

Когда империя клонилась к закату, Биран подготовил обширный труд «Опыт об основаниях психологии» (1812), оставшийся неопубликованным при его жизни. В новом труде излагается концепция, ставшая классической для французского спиритуализма XIX в. Сохраняя дружеские отношения с «идеологами», Биран уже давно не разделяет их ведущих теоретических установок. В своем обобщающем труде он стремился выявить и изучить «первоначальный факт внутреннего чувства». Он обнаруживает его в волевом усилии, неотделимом от чувства активности.

В глазах большинства окружавших его людей Биран был известным администратором, депутатом. «Для нескольких лиц, которые слышали, как он говорил о философии, его величие, конечно, было другого порядка. Такие люди, как Андре-Мари Ампер, Гизо, Дежерандо, Филип-Альбер Стапфер, были согласны с Руайе-Колларом, который говорил, покидая церковь Св. Фомы Аквинского после службы по умершему: “Это был учитель всех нас”» [Gouhier, 1970, p. 8].

«Звездный час» Бирана-политика пробил в декабре 1813 г. В составе комиссии законодательного корпуса он выступил от имени народных представителей против наполеоновской завоевательной политики. Заметим, что в предшествующий период философ открыто не демонстрировал никаких оппозиционных настроений. Во время правления Наполеона против него неоднократно составлялись различные заговоры. По меткому замечанию Анри Гобера, среди них можно выделить как «опереточные», так и весьма серьезные, таившие немалую опасность для властителя. Так, роялисты организовали взрыв на улице Никез 24 декабря 1800 г., причем покушение едва не увенчалось успехом. Другой знаменитый роялистский заговор относится к 1803–1804 гг. «Шуан Жорж Кадудаль вернется в то время на сцену, ведя за собой генерала Пишегрю; за ними, конечно же, мы найдем графа д’ Артуа; и за кулисами, Англию с ее гинеями» [Gaubert, 1962, p. 162]. Мен де Биран к заговорам не причастен, не входит ни в одну конспиративную сеть. Он служит императору, вполне сохраняя внешнюю лояльность. По крайней мере, так продолжается до того момента, пока трон императора, наконец, не пошатнулся в результате военных неудач в России и Германии («битва народов»).

В переписке Наполеона за 1813 г. Биран упоминается дважды. В письме Камбасересу (23 декабря) он дает великому канцлеру империи распоряжение провести заседание комиссии, избранной накануне законодательным корпусом в составе Рейнуара, Лене, Галлуа, Флержера и Бирана. Комиссии предписано ознакомиться со всеми документами, касающимися мирных переговоров (инициированных Меттернихом), и декларацией союзников (в которой объявлялось, что они ведут войну «против господства императора» Наполеона в Европе, а не против Франции). В тот же день Наполеон предписывает председателю законодательного корпуса Ренье явиться на заседание комиссии (названы все ее члены), которое пройдет у Камбасереса [Napoléon Bonaparte, 2017, t. XIV, p. 1186, 1192]. От комиссии ожидалось выражение отношения к инициативе враждебных Франции государств. Аналогичное поручение было дано комиссии Сената. Наполеон собирался объединить все силы для отпора союзникам, использовать все пропагандистские средства. В итоге его замысел не сработал. Правда, сенатская комиссия (Талейран, Фонтан, Бернонвиль, Барбе-Марбуа, Сен-Марсан) ожидания императора оправдала. «Сенаторы, я тронут чувствами, которые вы мне выражаете» [Napoléon I, 1868, t. XXVI, p. 548]. Фонтан от имени сенатской комиссии выступил с обличением коварной дипломатии держав, входящих в антифранцузскую коалицию. Комиссия полностью возложила ответственность за срыв мирных переговоров на коалицию. Она также призвала

французский народ соединиться вокруг «диадемы» императора, не забывая о том, что мир не покупают слабостью.

На заседании законодательного корпуса доклад от имени «комиссии пяти» 29 декабря сделал Лене. Он заявил о необходимости донести истину «до подножия трона», ибо именно законодатели и связывают народ с главой государства. Он с осуждением говорил о «бесцельной варварской войне», о необходимости прекратить столь «фатальные» для всей Европы боевые действия. Мирные предложения союзников, предполагавшие сохранение Франции в ее естественных границах, следовало принять, как только они поступили. Присутствовало в его речи и восхваление прежних королей Франции. Несмотря на возмущение председателя Ренье, законодательный корпус не выступил с осуждением речи Лене; наоборот, 223 голосами против 31 он постановил ее опубликовать [Lentz, 2018, p. 503]. Такой итог обсуждения вызвал гнев Наполеона: он запретил печатание речи и прервал заседание законодательного корпуса. 1 января 1814 г. он заявил его представителям: «Что такое трон? Четыре куска дерева, покрытых бархатом» [Pasquier, 1893, t. 2, p. 129]. По мысли Наполеона, подлинный «трон – это нация», и она нуждается в императоре больше, чем он в ней. Депутаты были призваны принести благо стране, но предпочли причинить зло, сыграв на руку ее врагам.

В письме к Морису 4 января 1814 г. Бيران объясняет мотивацию членов «комиссии пяти». Они стремились побудить императора торжественно поклясться своему народу, что отныне война будет им вестись только для защиты собственной территории, ради сохранения независимости страны. При этом «следовало вернуть французам отечество, предоставить им на будущее некоторые гарантии против злоупотреблений власти» [Maine de Biran, 1999, t. XII/1, p. 316]. Недовольство наполеоновской политикой, как внешней, так и внутренней, в этих соображениях зафиксировано слишком отчетливо. Бيران также упоминает в письме, что министр полиции заверил членов комиссии в том, что им незачем опасаться каких-либо преследований и они вольны покинуть Париж или же оставаться в городе.

В своих записях за февраль 1814 г. Бيران именует императора «тираном» и «узурпатором», который в своем стремлении к завоеваниям долго использовал силы и богатство народа. Реставрацию философ встречает с восторгом. Из Гратлу он направляет приветствие законодательному корпусу, в котором именует «великим актом общественного спасения» отстранение от власти Бонапарта. «Тиран» давно был осужден в сердцах добропорядочных граждан, несмотря на все его военные успехи и безграничную власть. Бيران не скрывает своего ликования: справедливость восторжествовала! «Да здравствует король! Да здравствует мир!» [Maine de Biran, 1999, t. XII/1, p. 325]. В июне Людовик XVIII назначает Бирана квестором палаты депутатов.

В период «ста дней» философ чувствует разочарование, беспомощность, неожиданный поворот событий выбил его из колеи. Он отмечает, что новости угнетают его, что он «потерял смелость вместе с надеждой». В его суждениях сквозит горечь и полная растерянность: «...преступление, разбой торжествуют... никто не возвысил голос против него (Наполеона. – А.К.), ни одна рука не взяла оружие, чтобы его сразить. О бесчестье! о вечный позор для целой нации! нет больше французской нации; она была недостойна доброго короля; она не заслуживала счастья, которое начинало сиять над ней. Французский народ заслуживает лишь быть завоеванным» [Maine de Biran, 1954, t. I, p. 49].

Мен де Бيران остро переживал разлад между внутренней и внешней жизнью, постоянно размышлял над вопросом о возможности его преодоления. «Когда занимаются философией, должны отказаться от славы. Я каждый день испытываю, насколько это внутреннее исследование, далекое от того, чтобы принести мне какое-либо реальное преимущество в этом мире, противоположно той роли, которую

я должен в нем играть, и отдаляет даже тех, кто мне желает добра» [Maine de Biran, 1931, t. II, p. 43]. Философ жалуется на непонимание со стороны окружающих. Многие его современники насмеются над метафизикой, не имея о ней никакого представления. Захваченные внешними событиями, они мало думают о внутренней жизни, считают глупостью придавать ей слишком большое значение. Но ведь это означает, что они оказываются «вне самих себя», теряют собственное «я».

Постоянной целью философских поисков Бирана выступала убедительная, общезначимая концепция человека. «Ж.Ж. Руссо создал поэзию морального сознания. Я хотел бы создать его теорию» [ibid., p. 100]. Разумеется, без сопряжения внутреннего и внешнего аспектов бытия такая теория невозможна. Именно в поздний период своего творчества, во времена Реставрации, Биран находит, наконец, удовлетворяющий его баланс между ними. В 1818 г. он констатирует трансформацию своей точки зрения на реальность, связывая ее с изменением своего «морального характера». В «Дневнике» он подчеркивает, что с возрастом страсти утихают, а потому религиозное чувство получает больший простор для своего развития. В январе следующего года он фиксирует четкой формулой важнейшую для себя задачу: «Привести всю свою жизнь к единству. Есть только одна всеобъемлющая, главная идея, цель всех внешних действий, которая может сделать единой эту столь многосложную, столь беспорядочную жизнь: *Бог, добродетель, верховное благо, долг*» [ibid., p. 101, 156]. Личный Бог раскрывается тем, кто стремится возвыситься над животной природой, кто открыт внутреннему свету.

Написанная в августе 1815 г. записка, предназначенная королю, подводит своеобразный итог политическим размышлениям Бирана. Этот документ, по существу, содержит философскую оценку тех исторических событий, свидетелем которых он стал. В основе понимания истории поздним Бираном лежит провиденциализм. В этом отношении он следует за Боссюэ и Местром. В соответствии с высшими законами, Франция избавилась, наконец, от рабства и подчинилась «легитимной отеческой власти самого мудрого и лучшего из королей». Она «примирилась с Европой», что предвещает «новую эру невинности, счастья и мира». Революция – это бунт против законной власти и самого Бога, от коего она исходит. «Французская революция – навсегда памятный пример бессильной борьбы людей против неизменной природы вещей, как они установлены и упорядочены творцом всех вещей» [Maine de Biran, 1999, t. XII/2, p. 373–374]. Принцип, выводящий суверенитет из народной воли, абсурден. Все правительства революционной эпохи были незаконными. Бонапарт – «персонифицированное выражение якобинства», он воплощает разрушительное начало недавней истории. Нельзя сказать, что философ непредвзят, вполне справедлив в оценке личности Наполеона: он упрекает его в малодушии, «недостойном солдата», усматривая проявление подобного качества в согласии вести жизнь изгнанника, навязанную ему с целью наказания. Единственный результат наполеоновских завоеваний он видит в «варварской анархии».

Доминик Жанико, характеризуя подход философа из Бержерака, отмечает: «Биран, применяя экспериментальный метод, не ищет ум в пути; именно поэтому метод, как он его понимает, предполагает, что ум не был бы чисто и просто объективированным, но признан в его субъект-объектной реальности. “Реализм или спиритуалистический позитивизм” не является сначала реализмом, затем спиритуализмом; он есть реализм, потому что он спиритуалистический: ум испытывает себя в самом себе как реальность, такова первая изначальная или непосредственная данность в глазах Бирана, так же как Равессона или Бергсона» [Janicaud, 1997, p. 140]. Приведенная оценка важна, но она касается только одного из аспектов творчества Бирана. Не менее значимы и другие: по справедливому замечанию И.И. Блауберг, «Мен де Биран критиковал механицизм и натурализм Просвещения в понимании человека» [Блауберг, 2003, с. 30]. Еще одну особенность тонко подметил В.П. Визгин:

«Мысль Бирана отвечает прежде всего на глубокие вызовы самой жизни и только во вторую очередь имеет дело с отвлеченными интеллектуальными проблемами» [Визгин, 2017, с. 44].

Андре Робине и Нелли Брюйер отмечают, что Биран был на стороне тех, кто свою политическую деятельность воспринимал как служение французскому народу, «несмотря не все незаконные повороты его истории» [Robinet, Bruyère, 1999, р. XII]. Рене Верденаль дает красочное определение: «Мен де Биран ориентирует, следовательно, философскую мысль на своего рода психологию внутренней жизни» [Verdenal, 1999, р. 49]. Эмиль Брейе видит закономерность эволюции взглядов Мен де Бирана в том, что «победу над физиологической фатальностью» философ в итоге признал в жизни духа, сочтя действие воли недостаточным условием для этого [Bréhier, 2004, р. 1280–1281].

Многомерность бирановской философии, зафиксированная в исследовательских оценках, напрямую связана с перипетиями жизненного пути мыслителя. Именно он стремился к созданию целостной, доказательной науки о человеке. Искомый результат, как ему представлялось, был обретен с созданием им особой версии религиозной философии. Эта философия была призвана преодолеть тревожащий разрыв между внутренним и внешним аспектами человеческого бытия. Сам ход философских поисков Бирана неотделим от его раздумий о смысле современных ему политических событий. Не случайно он уподоблял государство человеческому существу. Его вовлеченность в политическую практику, так или иначе, оказала влияние на содержание признанного им итоговым философского учения. В надежде служить народу он приносил присягу термидорианской республике, затем империи, но, в конечном счете, эти формы правления были признаны им нелегитимными. Ибо для счастья людей, согласно Бирану, необходимы справедливость и законность, а упомянутые режимы их не обеспечивали. Кроме того, процветание страны предполагает прочный политический мир, а к его достижению нелегитимные режимы никогда не стремились. Единение, порядок, долгожданный мир – все это символизирует в его понимании монархия, поддерживаемая силами Провидения. Осуждая якобинцев, тиранию и террор, философ воспринимал служение общему благу как цель и для королей, и для обычных граждан. Общие установки поздней философии Бирана вполне сближают его с традиционализмом.

Список литературы

- Блауберг, 2003 – *Блауберг И.И.* Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 672 с.
- Визгин, 2017 – *Визгин В.П.* Экзистенциальные мотивы в «Дневнике» Мен де Бирана // История философии / History of Philosophy. 2017. № 2. С. 44–55.
- Azouvi, 1992 – *Azouvi F.* Maine de Biran // Encyclopédie philosophique universelle / Sous la dir. d'André Jacob. V. III. Les oeuvres philosophiques. T. 1. P.: PUF, 1992. P. 1948–1951.
- Bréhier, 2004 – *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. P.: PUF, 2004. 1790 p.
- Gaubert, 1962 – *Gaubert H.* Conspirateurs au temps de Napoléon I. P.: Flammarion, 1962. 351 p.
- Godechot, 1951 – *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P.: PUF, 1951. 687 p.
- Gouhier, 1970 – *Gouhier H.* Maine de Biran par lui-même. P.: Seuil, 1970. 227 p.
- Gouhier, 2001 – *Gouhier H.* Maine de Biran // Dictionnaire des philosophes. P.: Albin Michel, 2001. P. 981–984.
- Janicaud, 1997 – *Janicaud D.* Ravaisson et la métaphysique. Une généalogie du spiritualisme français. P.: Vrin, 1997. 276 p.
- Lentz, 2018 – *Lentz T.* Le premier Empire. 1804–1815. P.: Fayard, 2018. 831 p.
- Maine de Biran, 1927–1931 – *Maine de Biran M.F.P.* Journal intime / Publ. par A. de La Vilette-Monbrun. T. I–II. P.: Plon, 1927–1931.

Maine de Biran, 1954–1957 – *Maine de Biran M.F.P.* Journal / Publ. par H. Gouhier. T. I–III. Neuchâtel.: La Baconnière, 1954–1957.

Maine de Biran, 1984–2001 – *Maine de Biran M.F.P.* Oeuvres. T. I–XIII. P.: Vrin, 1984–2001.

Napoléon I, 1858–1870 – *Napoléon I.* Correspondance. Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. I–XXXII. P.: Plon, 1858–1870.

Napoléon Bonaparte, 2004–2018 – *Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale. T. I–XV. P.: Fayard, 2004–2018.

Naville, 1857 – *Naville E.* Maine de Biran, sa vie et ses pensées. P.: Joel Cherbuliez, 1857. 421 p.

Pasquier, 1893–1895 – *Pasquier E.-D.* Mémoires. T. 1–6. P.: Plon, 1893–1895.

Robinet, Bruyère 1999 – *Robinet A., Bruyère N.* Introduction // Maine de Biran M.F.P. Oeuvres. T. XII/1. P.: Vrin, 1999. P. VII–XV.

Verdenal, 1999 – *Verdenal R.* Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin // Histoire de la philosophie / Sous la dir. de F. Châtelet. T. VI. P.: Hachette, 1999. P. 37–65.

Philosopher in the Service of the Thermidorian Republic and Emperor: to the Political Biography of Maine de Biran

Artem A. Krotov

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, 119234, Russian Federation;
e-mail: krotov@philos.msu.ru

The article analyzes the peculiarities of the political philosophy of the ancestor of French spiritualism based on documents published at the turn of the 20th–21st centuries. The specificity of his worldview in the early period of philosophical activity is considered, as well as the reasons that prompted him to turn to politics after the Thermidorian coup. Negative attitude towards the Jacobeans, regrets about the fall of the monarchy are very characteristic of his views during this period. He meets the Thermidorian republic and then the empire with hopes for close peace, social stability, based on strict observance of laws. At first, he praises Napoleon as a genius who “pacifies and comforts”. But then comes disappointment, a continuous sequence of wars leads him to condemn the Napoleonic policy as part of the “commission of five” of legislative corps in December 1813. The philosopher meets the restoration as an event consistent with the plans of Providence. Undoubtedly, the appeal to religious philosophy was largely motivated by Biran's political experience.

Keywords: Maine de Biran, French philosophy, spiritualism, philosophy and politics

References

Azouvi F. Maine de Biran, *Encyclopédie philosophique universelle*, sous la dir. d'André Jacob, vol. III. Les oeuvres philosophiques, t. 1. Paris: PUF, 1992, pp. 1948–1951.

Blauberg I.I. *Henri Bergson*. Moscow: Progress-Tradicija Publ, 2003. 672 p. (In Russian)

Bréhier E. *Histoire de la philosophie*. Paris: PUF, 2004. 1790 p.

Gaubert H. *Conspireurs au temps de Napoléon I.* Paris: Flammarion, 1962. 351 p.

Godechot J. *Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire*. Paris: PUF. 1951. 687 p.

Gouhier H. *Maine de Biran par lui-même*. Paris: Seuil, 1970. 227 p.

Gouhier H. Maine de Biran, *Dictionnaire des philosophes*. Paris: Albin Michel, 2001, pp. 981–984.

Janicaud D. *Ravaisson et la métaphysique. Une généalogie du spiritualisme français*. Paris: Vrin, 1997. 276 p.

Lentz T. *Le premier Empire. 1804–1815*. Paris: Fayard, 2018. 831 p.

Maine de Biran M.F.P. *Journal intime*, publ. par A. de la Valette-Monbrun, t. I–II. Paris: Plon. 1927–1931.

Maine de Biran M.F.P. *Journal*, publ. par H. Gouhier, t. I–III. Neuchâtel: La Baconnière, 1954–1957.

Maine de Biran M.F.P. *Oeuvres*, t. I–XIII. Paris: Vrin, 1984–2001.

Napoléon Bonaparte. *Correspondance générale*, t. I–XV. Paris: Fayard, 2004–2018.

Napoléon I. *Correspondance*, publ. par ordre de l'empereur Napoléon III, t. I–XXXII. Paris: Plon, 1858–1870.

Naville E. *Maine de Biran, sa vie et ses pensées*. Paris: Joel Cherbuliez, 1857. 421 p.

Pasquier E.-D. *Mémoires*, t. 1–6. Paris: Plon, 1893–1895.

Robinet A., Bruyère N. Introduction. In: Maine de Biran M.F.P. *Oeuvres*, t. XII/1. Paris: Vrin, 1999, pp. VII–XV.

Verdenal R. Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin, *Histoire de la philosophie*, sous la dir. de F. Châtelet, t. VI. Paris: Hachette, 1999, pp. 37–65.

Vizgin V.P. Jekzistencial'nye motivy v «Dnevnikе» Men de Birana [Existential Motives in Maine de Biran's "Diary"]. In: *Istoriya filosofii / History of Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 44–55. (In Russian)